

Бог миловал семью

«Похоронка обошла ее избу» – эту строчку из песни часто повторяет жительница Ульяновска Евгения Ивановна Зуева (в девичестве Анищенко). Она выросла в многодетной семье, пережившей ад немецкой оккупации в Белоруссии. После окончания Ленинградского педиатрического института Евгения Ивановна посвятила себя делу здравоохранения: более 40 лет она проработала педиатром в детской железнодорожной поликлинике г. Ульяновска, отличник здравоохранения РФ. Евгения родилась в г. Кричеве Могилевской области в 1936 году. Ей было пять лет, когда началась война. Но и сегодня память её свежа – невозможно забыть огненные дороги войны. Вот только голос дрожит, когда она рассказывает о пережитом.

Отец Иван Петрович Анищенко (1900–1964) и мама Ирина Захаровна Дроздова (1898–1980) родились в деревне Рябиновке Славгородского района Могилевской области (Беларусь). Трудлюбивые и честные, они передали эти качества всем своим восьмерым детям.

Когда началась Великая Отечественная война, семья жила под Могилёвом, в небольшом городе Кричеве. Их старший сын Михаил служил в армии. После лыжного кросса он заболел пневмонией. Долго лечился, потом получил отпуск, приехал домой, а через несколько дней – война! Михаил поспешил в военкомат. Мама собрала ему бельё, немного хлеба и, взяв с собой пятилетнюю Женю, пошла провожать сына на войну. *«Мы идём, а сирена воет – жуть!»* – вспоминает Евгения Ивановна. – *С тех пор не могу переносить вой сирены. Из тех, кто уходил на фронт в первые дни, почти никто не вернулся живым, а Михаила Бог миловал. Он возил командира части, был ранен. Не один раз ведь попадал под обстрел, но*

чудом выходил из огня. Это ли не чудо! Вспоминая войну, он всегда плакал».

Ивана Петровича, отца семейства, тоже призвали на фронт. Дома остались беременная жена и пятеро детей. Ирине Захаровне было уже 43 года – поздновато для родов, тем более, когда муж на фронте, а дома – пятеро детей. Но в декабре 1941 года на свет появился сын Серёжа.

Воевал Иван Петрович недолго: попав в окружение, он оказался в лагере для военнопленных. Это был огромный овраг, окружённый колючей проволокой, по краям стояли вышки с охранниками, по ночам вдоль ограждения постоянно велась стрельба, чтобы исключить побег. Фашисты не кормили наших солдат. Стояла поздняя осень. От холода пленные спасались в норах, которые рыли в стенках оврага. От голода люди стали умирать. Иван и его друг Пётр Далецкий решили бежать. Они собрали группу из нескольких человек, перерезали ночью колючую проволоку и убежали. К своим решили доби-

Иван Петрович Анищенко
красноармеец (стоит слева)

Ирина Захаровна с родителями
(стоит справа)

раться поодиночке – так безопаснее. Днями Иван Петрович отлёживался в лесах, ночами передвигался. Нужно было непременно сменить военную одежду, и он заглянул в один из домов на окраине деревни. Хозяйка развела руками: «Откуда?» Бедный скерб мужа, ушедшего на фронт, она давно раздала военным, которые оказались в окружении и скрывались от немцев в лесах. Женщина предложила раздеть огородное пугало и переодеться. В таком виде, практически без еды, с опухшими ногами

Сидят: Михаил, Ирина Захаровна, Иван Петрович, Марийка, внизу Сережа и Зина. Стоят: Шура (жена Михаила), Володя, Таня, Иван, Женя (с букетом). Конец 1940-х

Володя (стоит),
внизу: Зина, Сережа, Женя

Женя, Ирина Захаровна, Сергей

Иван кое-как добрался до Кричева. Когда оказался на родной улице, вместо дома увидел пепелище – сюда попал вражеский снаряд. Иван Петрович потерял сознание. Последней мыслью было: «Зря шёл...»

Маленькая Женя не узнала в измождённом оборванце своего отца. «Он не помнил, сколько пролежал в овраге, – рассказывает Евгения Ивановна. – Кое-как добрался до наших соседей Емельяненко. Мы-то сгорели, а у них дом целый. Мы чудом спаслись: в тот день были сильные бомбёжки, и мы прятались в ближайшем леске. Соседи обрадовали отца: семья жива. И кто-то пошёл за мамой. Мы тогда жили в колхозной конторе. Там была сложена печка, на которой мы готовили. Отец грел опухшие ноги. Мама долго его выхаживала. Она терла редьку и этим соком натирала ему ноги. Из-за язвы отец ничего не мог есть. Коровка наша уцелела, но молока не давала, мама брала в долг пол-литра молока у соседей и варила супчик с пшеном для папы. Я с завистью поглядывала в кастрюльку...»

В просторной конторе часто селились немцы, но они не интересовались семьёй, поселившейся за перегородкой. После перенесённых испыта-

ний Иван Петрович выглядел как старик-доходяга.

Когда глава семьи встал на ноги, он начал работать с сыновьями на бывшей колхозной земле. Также Иван Петрович подрабатывал конюхом (раньше в колхозе он был главным конюхом). За год войны многие лошади ослабли, и немцы их пристреливали. Иван Петрович выпросил забракованную лошадедку, выходил её, и она помогала семье выживать. Подростки Ваня и Володя ездили в лес, собирали сухостой на дрова и предлагали жителям. Люди расплачивались, чем могли, иногда щепоткой соли – это был дефицит.

Тяжёлая участь постигла старших дочерей этой семьи. Марийку почти сразу угнали в Германию – там она работала на военном заводе, а через год в 1942 году начались облавы на девушек Таниного возраста.

Жители Кричева старались спрятать дочерей. На окраине города в большом доме жила одинокая женщина, и девушки собирались у неё – как будто на вечеринку, а во время облав оставались у неё ночевать. Так делала и Татьяна. Немцы ходили по домам в сопровождении полиции. Однажды во время очередной облавы Татьяна была дома, и мама спрятала её в подполе,

Иван Петрович Анищенко. 1960-е

Ирина Захаровна с внуком. 1960-е

а полицаю сказала, что дочь не вернулась с вечеринки. Он настаивал на женщину автомат и кричал, что убьёт её. Дети выбежали, кричат, плачут, а полицаи измывается. Начал стрелять в подпол – он же местный, понимал, где Ирина Захаровна могла спрятать дочь. И женщина не выдержала: «Таня, вылезай!» Так вторая дочь тоже оказалась в Германии.

В 1943 году семья приняла решение перебраться в Славгородский район на Захаренков хутор – там жил старший брат Ирины Захаровны – Стефан. Хутор находился в отдалении от других деревень, у самого леса, где укрепились партизаны, и немцы почти не появлялись в деревне. Семья Стефана Захаровича выращивала картошку, просо, имела коровку и кур. Продукты передавали в партизанский отряд.

Иван Петрович надеялся примкнуть к партизанам, но в отряд их не взяли: на руках супругов было пятеро малолетних детей.

Евгения Ивановна вспоминает: «Мы жили на окраине леса и сначала всё было спокойно. В ответ на партизанские диверсии немцы всё чаще устраивали облавы на мирных жителей. Случилось это и на нашем хуторе».

Фашисты отобрали у жителей лошадей, забрали всех моло-

дых ребят и мужчин и погнали их в Германию. Так Иван Петрович снова оказался у немцев. По немощи его не отправили на патронный завод, как других, а определили на работу к фермеру.

Женщин, детей и стариков оккупанты пешком отправили в Быхов. Там прибывших распределили по домам – после расстрела евреев многие дома в Быхове пустовали. Но продуктов не было, как и самых необходимых вещей. Пожилой Стефан Захарович был очень слаб, его не угнали в Германию. В Быхове он заболел и вскоре умер.

Старшие сыновья Ирины Захаровны Ваня и Володя пытались подрабатывать на немецких кухнях, за это им давали варёную похлёбку, а иногда что-то из продуктов. Как-то раз Володя увидел, где немцы подвозят хлеб, и попросился на разгрузку. Разгружать хлеб надо было в сторону столовой, с другой стороны – овраг. Подростку удавалось иногда уронить буханку. Это было очень рискованно. За разгрузку ему давали иногда бракованную буханку хлеба.

Побирались всей семьёй. Жена ходила с Володей, он её сопровождал, а Ирина Захаровна побиралась с маленькой Зиной. В это время самый младший Серёжа тяжело болел, и нянькой ему был старший брат Ваня.

Время шло. Советские войска перешли к наступлению. Немецкая армия нуждалась в оружии и патронах, а значит, в рабочих руках. Женщин и детей погрузили в вагоны для скота и повезли в Могилёв. Всё хозяйство Ирины Захаровны поместилось в саночки. В областном центре вагоны весь день стояли запёртыми, а вечером раздался приказ: «Выгружайтесь – состав тронется!» Люди начали прыгать, вещи попадали. Полицаи – тут как тут: стали шарить по узлам и отбирать всё, что понравится. Ирина Захаровна сразу сообразила, что надо воспользоваться темнотой и суматохой и бежать. Но куда? Март, горы снега... Неподалёку – неказистые дома железнодорожников. Мальчики тянут саночки, а они через рельсы не едут, вещи падают. Свалился и мешочек, в котором были сухари... Нырнув в проулок, женщина велела детям спрятаться в сугробе и не подавать голос, а сама с Серёжей на руках побежала к ближайшему дому и постучала. Ей открыла молодая женщина. Ирина Захаровна сунула ей маленького сына. «Спасите! У меня в сугробе ещё четверо лежат, я сейчас вернусь». И пошла за детьми. А с вокзала немцы уже гнали по шоссе людей в могилевский концлагерь. Крики, стоны, детский плач.

Женя – студентка Ленинградского педиатрического института

Евгения Ивановна вспоминает: *«Людей прогнали, мы лежим, мама с нами. Ребята стали потихоньку подниматься – опять упали: немецкая речь, огоньки сигарет. Это были эсэсовцы, расквартированные в привокзальных домах. Они ушли, а мы ещё долго лежали. Потом потихоньку перебрались к тётке Ане – так звали эту замечательную женщину. Она так обрадовалась! Мамы ведь долго не было, а у хозяйки свой малыш... Продуктов у неё не оказалось, и мы очень жалели, что потеряли мешочек с сухарями. Попили чай и были счастливы, что остались живы».*

Добрая могилевчанка, рискуя жизнью, прятала у себя большую семью, а облавы повторялись ежедневно. Немцам нужны были рабочие руки для военной промышленности, и они регулярно ходили по домам. Подростки Володя и Ваня постоянно дежурили на улице: идут немцы и полицаи – тётка Аня открывает подполье, туда спускается Ирина Захаровна. Мать научила детей называть тётку Аню мамой. Жили, как на вулкане. Найдут эсэсовцы – расстреляют. И Анна придумала выход. Она пришла в управу и стала просить прописать свою сестру. На вопрос, почему у Ирины другое отчество, ответила, что у них с сестрой разные отцы.

Ирину Захаровну прописали. Она с детьми поселилась во второй, пустой половине дома.

Маленькая и худенькая Женя побиралась. Ей иногда везло... Она рассказывает: *«Зашла как-то в один дом. Светло, тепло, два немца чай пьют. Огляделась – гробы стоят. Это были гробовщики. Они усадили меня за стол, чай налили, дали светлый хлеб. Я и счастлива – сижу, ем. А Володя, мой братишка-охранник, на улице. Одет плохо, замёрз. Не выдержал, зашёл и рот открыл от удивления...»*

Но были и другие ситуации. Как-то раз Женя зашла в один дом и стала просить поесть. Поднялся высокий немец, заорал, как зверь, и схватился за кобурку. Девочка после этого боялась побираться.

Муж Анны, машинист, был вынужден работать при немцах по профессии. Он был рукастый. Сделал Володе и Ване по тележке с колесом и двумя ручками. Когда на вокзал приходил состав, ребята приходили к вагонам и предлагали немцам подвезти вещи. Выбирали, как правило, простых солдат – те давали что-нибудь из продуктов. Но однажды погрузился офицер и велел отвезти вещи в Луполово. Дорога дальняя, километров пять. Выполнив поручение офицера, Володя попросил расплатиться, но эсэсовец бросил

Молодой врач Евгения Ивановна Зуева

в снег мелочь и грязно выругался. А немецкая мелочь в то время и деньгами-то не считалась.

Перед приходом советских войск фашисты стали сгонять жителей Могилёва на Минское шоссе и толпами отправляли в Германию. Один из полицаяев, увидев скопище спрятавшихся людей в землянке, где была и Ирина Захаровна с детьми, стал размахивать оружием и потребовал выйти, угрожая всех загнать в сарай и сжечь, если они не отправятся на шоссе. Дети в испу-

Евгения Ивановна с мужем Владимиром Семёновичем

ге громко ревели, цеплялись за подол её юбки и кричали матери: «Пойдём на дорогу! Мы не хотим живыми гореть!» Но материнское сердце подсказало женщине: надо держаться до конца – там, на дороге, гибель.

Самое страшное началось, когда к Могилёву подошли наши войска. Бомбёжки не прекращались ни днём, ни ночью, всюду стрельба. Ирина Захаровна с детьми и с соседями прятались от обстрелов в землянке в саду. Немцы тоже облюбовали это место и поставили рядом свои орудия: удобная позиция – дорога как на ладони. Евгения Ивановна рассказывает: «Они из этих орудий подбили два наших танка. И следующий наш танк направился прямо в сад: танкисты заметили землянку и решили, что в ней фашисты. На какое-то время стрельба затихла, и Ваня с Володей выскочили из укрытия, увидели танк, замахали руками и остановили его. Танкист потом сказал, что если бы не ребята, он бы проутюжил это место, чтоб ни одного фашиста не осталось. Он вытащил из танка своего убитого товарища и положил на землю. След от пули был у него во лбу. Видимо, снайпер его убил».

После освобождения Могилёва семья мечтала об одном: поскорее вернуться в Кричев. Ждали долго: война, вагоны нужны для фронта. Спустя какое-то время узнали, что в нужную сторону идёт состав, собрались и на открытой платформе поехали в Кричев.

Вернулись, а жить негде. На месте родного дома – пепелище, контора тоже сгорела. Благо, сосед Емельяненко во время войны сделал баньку в земле – пустил временно Ирину Захаровну с детьми.

Евгения Ивановна рассказывает: «По-разному жили люди в оккупации. Илья Емельяненко ушёл на фронт с моим папой, а через неделю был уже дома. Всю войну работал кладовщиком у немцев. Его дочь Тамара ходила в школу в валенках. А мы – голь перекатная. Мама обратилась к председателю: помогите хоть чем-то! И он раз-

Евгения Ивановна с сыном и дочерью

решил копать картошку там, где весной стояли бурты. Мальчики пошли пасти лошадей. Они трудолюбивые, добросовестные были. К тому времени мы вырыли свою землянку. Из остатков печи на пепелище набрали кирпичей и сложили в землянке печь, стало тепло. У мамы стали опухать руки, и она прогревала их на этой печечке. По округе валялись грязные, обгоревшие немецкие вещи. Ребята собирали их, а мама каждую тряпочку простирывала и шила нам одежду. Как-то раз мальчики притащили тёплое немецкое одеяло – мы очень радовались. А потом мама собрала какие-то денежки и купила телёночка. Ребята пристроили к землянке маленький сарайчик, где его и поселили. Володя мастерил и ремонтировал обувь – тоже из остатков немецких сапог. И мне шил сапожки. Когда боковая кирза протерлась, я размечталась получить новую обувку. Перебегая весной через ручей, специально мочила дырявые сапоги. Легла спать, а к утру Володя наложил латки на старую кирзу. Так и жили. И вот – победа! Не знаю, откуда появилась красная тряпка. Мы привязали её к палке и водрузили над землянкой флаг!»

Цел и невредим вернулся в 1945 году глава семьи Иван Петрович. Ирина Захаровна сохранила всех пятерых детей, которые оставались на её руках во время

оккупации. Маленький Серёжа оправился от своих болячек – его выходили общими усилиями.

Пришёл с фронта старший сын Михаил с орденом Красного Знамени.

Приехали домой из Германии дочери Мария и Татьяна – одна в 1946-м, другая – в 1947 году. Это ли не чудо! Конечно, все претерпели страшные муки, прошли через огненные испытания. Жизнь старших дочерей не висела на волоске. Марийка говорила: «Смерть шла по пятам, но так и не догнала».

Старший сын Михаил после демобилизации женился, окончил Горьковскую сельскохозяйственную академию, работал главным агрономом в Кричеве.

Мария окончила Пинское педагогическое училище и работала учительницей младших классов. Замуж вышла за парня из Одессы, с которым познакомилась в Германии.

Татьяна после замужества уехала в Ростовскую область, работала дояркой на хуторе Журавка, растила детей.

Ваня окончил Гомельское военное радиолокационное училище и Московскую артиллерийскую академию, в звании полковника возглавлял отдел военной приёмки на оборонном заводе в городе Рязани.

Евгения Ивановна с внучками

Володя окончил Ленинградское училище связи, работал в Калининграде, а потом стал слушателем Ленинградской академии связи им. С.М. Будённого. Он дослужился до полковника, занимал должность начальника научного отдела военного НИИ в Курске.

Зина окончила библиотечный техникум и профессиональное училище, работала радио-

монтажницей в НИИ в Курске, потом обзавелась семьёй и вернулась в Кричеве.

Сергей после школы работал шофёром на маслозаводе в городе Кричеве.

Женя окончила школу с золотой медалью и поступила в Ленинградский педиатрический институт. Отличница с красным дипломом, Евгения шла первой по распределению и имела право

выбора места работы. Из большого списка предложенных городов она выбрала Ульяновск – родину В.И. Ленина. Ей предложили место в детской железнодорожной больнице. Вскоре после того, как Евгения Ивановна начала работать, в Ульяновск неожиданно приехал поклонник из Кричева – школьный товарищ Володя Зуев.

Историю своего замужества Евгения Ивановна рассказывает с весёлым озорством: «Я с детства Вовку знала. Он отслужил четыре года на флоте и как раз вернулся домой, но чувств своих не показывал. Уехала я в Ульяновск, и вдруг – телеграмма: «Встречай, еду». Я так удивилась! А он приехал и говорит, что у него повод: «Ты зонтик забыла, я тебе привёз». Позже я узнала, что Вовина мама пыталась его отговорить: «Чего надумал, куда собрался? С тыквой хочешь домой вернуться?» Такой у белорусов обычай был: если жених посватался к девушке, а она решила ему отказать, то выносит ему тыкву. Ну а Вова сказал матери: «Ни за что не вернусь!» И добился своего. Он тут всем понравился. Девчата говорили: «Вон какой орёл! Любая о таком парне мечтает!» Обходительный, весёлый. И я сдалась...»

В счастливом браке супруги живут уже более шестидесяти лет.

Всю жизнь Евгения Ивановна проработала педиатром в Железнодорожной больнице.

Глава семьи Иван Петрович и его рукастые сыновья после войны поставили в Кричеве новый дом, в котором до сих пор собираются их внуки и правнуки...

У этой истории счастливый конец – редчайший для Белоруссии, которая приняла на себя удар фашистских захватчиков и претерпела непомерные страдания. Людей сжигали целыми деревнями, здесь погиб каждый четвёртый житель. Но эту семью, бесспорно, Господь сохранил ради умных, честных и крепких потомков.

Встреча в Кричеве у родного дома. Сидят слева направо: Зинаида Ивановна, Иван Иванович, Мария Ивановна, Михаил Иванович, Татьяна Ивановна, Владимир Иванович, Евгения Иванова, Сергей Иванович в окружении жён, мужей, детей и внуков

С Евгенией Ивановной Зуевой
беседовала
Ольга Шейпак